

13.11.2025

От доллара к QR-кодам: как выстраивается новая архитектура Большой Евразии

Осенью этого года состоялось несколько значимых для России международных встреч. Саммит ШОС в Тяньцзине обозначил более конкретно актуальные направления развития в многостороннем формате, а встреча российской и китайской делегаций углубила двустороннее сотрудничество. Об основных аспектах состоявшихся переговоров беседуем с Иваном Тимофеевым, генеральным директором Российского совета по международным делам (РСМД). Отдельно поговорили о перспективах тройственного союза Москва-Дели-Пекин и о том, станут ли редкоземельные металлы основой нового технологического альянса.

— На саммите ШОС в Тяньцзине обсуждалось развитие альтернативных платёжных систем и использование национальных валют. На каких проектах делается акцент?

— Вопрос об альтернативных платёжных системах уже давно обсуждается в рамках различных форматов. Россия в условиях применения против неё масштабных санкций уже многое сделала для диверсификации своих расчётов с ключевыми партнёрами. Но теперь планка выше: создание такой системы, которая носила бы многосторонний характер и выходила бы за рамки двусторонних торговых и финансовых отношений. Потребность в системе объективно назрела с учётом использования мировых финансов как оружия со стороны США и их союзников. Новые платёжные системы

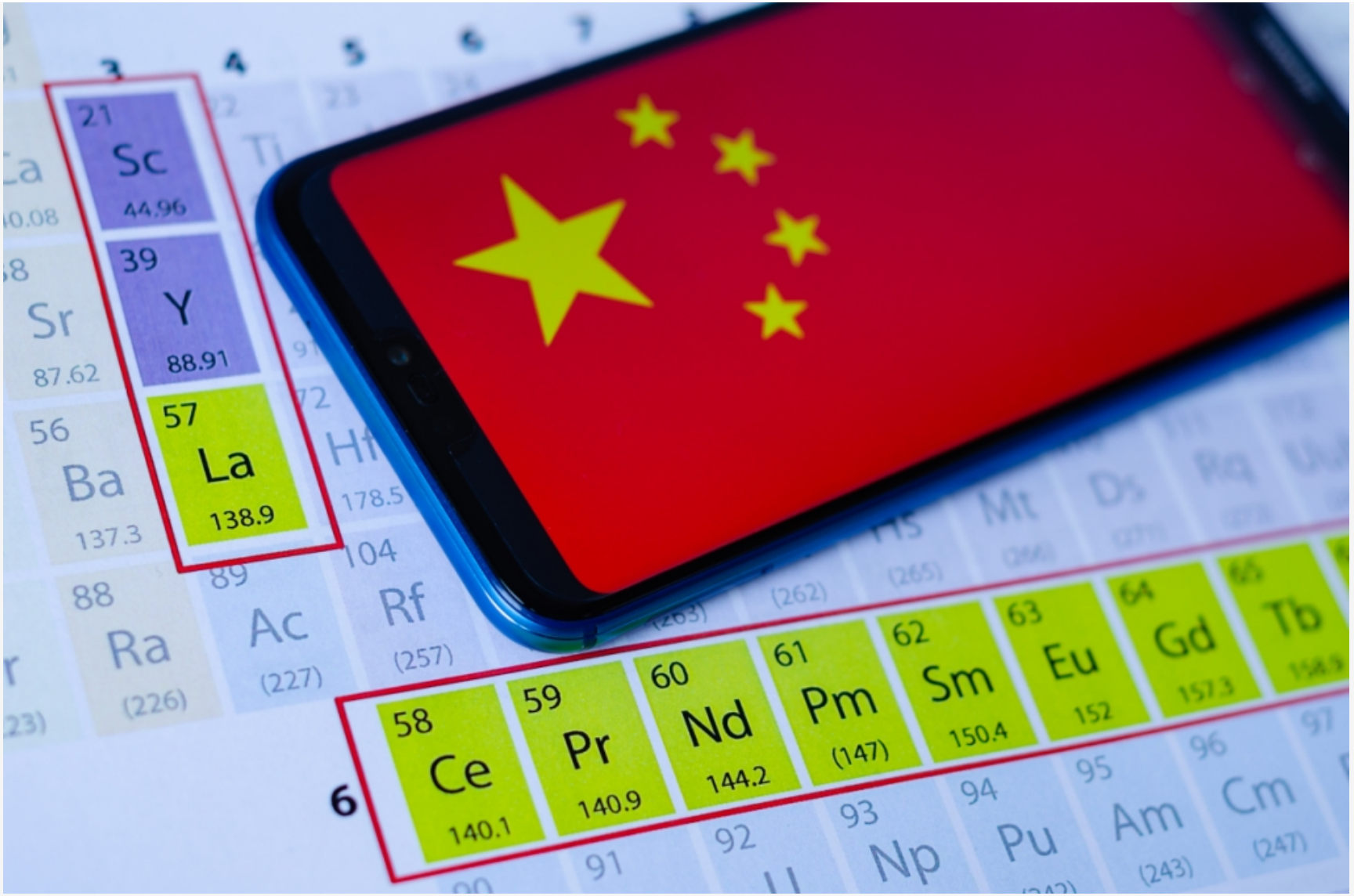
возникнут не столько как инструмент противостояния западным странам, скорее это способ диверсификации имеющихся расчётных средств. Можно использовать доллар США, но, в случае недружественных действий, уходить в альтернативную систему. Подобный ход мыслей мы считываем у наших партнёров в странах мирового большинства. В подобном духе идёт обсуждение вопроса на самых разных площадках, включая БРИКС и ШОС.

— Расчёты с помощью QR-кодов, о которых в своём интервью по итогам встреч в Китае говорил глава ВТБ Костин, считаются хорошим решением проблем с оплатой для российских туристов в Китае. Может ли этот опыт быть масштабирован в международной торговле?

— ВТБ в целом можно считать источником креативных идей, которые появлялись задолго до кризисных ситуаций, а затем оказывались востребованными. Например, идея дедолларизации продвигалась в своё время, насколько я помню, именно руководством ВТБ. Причём задолго до «санкционного цунами» 2022 года. Частично она была реализована, что позволило смягчить удар санкций после начала СВО. Расчёты с помощью QR-кодов представляются визионерскими, особенно если они масштабируются на широкий набор финансовых и торговых сделок. Здесь есть свои функциональные проблемы, которые предстоит решить. Но сама идея может «взлететь».

— Саммит ШОС демонстрирует растущий круг участников и партнёров. Не начинает ли многосторонний формат ШОС и БРИКС в какой-то мере «размывать» исключительную глубину двусторонних отношений между Москвой и Пекином? Сталкиваются ли Россия и Китай с конкуренцией за влияние на новых членов этих организаций?

— Я такую конкуренцию не наблюдаю. В БРИКС она не заметна. Да, есть костяк «старых» членов объединения. Но за влияние на новых они не борются. Сам БРИКС создавался как многосторонний формат. Да, на полях возможно обсуждение двусторонних отношений. Лидеры стран-членов используют саммиты для личных встреч. Но всё же международная повестка является ключевой, причём охватывает она широчайший круг вопросов. Достаточно посмотреть на декларации по итогам саммитов, которые касаются многих измерений международной жизни.

— Как Вы оцениваете перспективу тройственного союза Россия — Индия — Китай, и каких манёвров можно

ожидать от Индии, учитывая её многовекторность?

— О союзе пока говорить преждевременно, хотя идею партнёрства в рамках РИК **(**России, Индии и Китая) ещё в 1990-х высказывал патриарх внешней политики России Е.М. Примаков. Сложность представляют сохраняющиеся противоречия Дели и Пекина. Роль Москвы здесь носит конструктивный характер. В интересах России **—** не допускать обострения противоречий Индии и Китая. Во многом именно наша страна выступает цементирующим звеном РИК. В будущем у тройки есть серьёзный политический потенциал.

— Россия обладает огромными запасами редкоземельных металлов (РЗМ), а Китай доминирует в их переработке. Может ли это стать основой для создания общего технологического пространства?

— РЗМ **—** важный фактор экономической безопасности. Вы правы, у нас есть свои запасы РЗМ, это важный ресурсный задел. Сотрудничество России и КНР здесь возможно. Однако нужно понимать, что на рентабельность добычи и обработки РЗМ влияют масштабы производства. Китай фактически единственная страна, которая добилась высокого уровня масштабирования производства, делая его рентабельным. Есть чему поучиться.

— Официально отношения двух стран характеризуются как «неограниченное партнёрство». Однако, на фоне растущего разрыва в масштабах экономик и технологическом потенциале, не усиливается ли в этой связке асимметрия по модели «Китай — инвестор и технологический хаб, Россия — поставщик ресурсов»? Где та грань, когда взаимодополняемость переходит в зависимость?

— Такая асимметрия была и раньше. О ней писали наши эксперты, её хорошо понимали государственные чиновники. И всё же здесь есть нюансы. Россия обладает рядом критически важных технологий, научной школой с долгой историей и производственной базой. В их числе ядерные и космические технологии, военно-промышленный комплекс. Нам трудно будет добиться лидерства во всех сферах. Там, где задачи модернизации можно решить с помощью китайских инвестиций и товаров, это нужно делать, но при этом крайне важно сохранять лидерство в критически важных для безопасности и развития страны отраслях.